

ВОСПОМИНАНИЯ О Л. А. ОРБЕЛИ

Был 1927 год. Мы — первые выпускники медицинского факультета Ереванского государственного университета — организовали экскурсию в Харьков, Москву, Ленинград.

С академиком Л. Орбели мы познакомились в Ленинграде в Институте им. Лесгафта. Проницательный взгляд, добрые глаза, в которых виделась тоска по далекой родине, — так он смотрел на нас. Очень обрадовался, рассказал о делах института. Был доволен Эзрасом Асратяном, оригинальные исследования которого были уже известны.

— Очень способный и трудолюбивый Эзрас, — сказал он.

В следующем 1928 г. оставленные при кафедре выпускники снова поехали в Ленинград с целью совершенствоваться в избранной профессии. Были у Леона Абгаровича. Он тепло приветствовал нас и, обняв всех одним взглядом, сказал:

— Все вы армяне, но какие разные, как непохожи друг на друга.

Потом расспрашивал о родине, о Ереване, интересовался университетской жизнью. Узнав о цели нашей поездки в Ленинград, очень оживился и сразу написал рекомендательные письма своим коллегам: для Сурена Манвеляна (фармакология) — проф. Аничкову, для Габриэла Маргаряна (патоанатомия) — проф. Шорину, для Левона Арутюняна (гигиена) — проф. Хлопинину. Меня он решил оставить у себя.

С тех пор Ленинград стал для меня местом паломничества. Ежегодно по 2—3 месяца я бывал в лаборатории Орбели. Летом 1934 г. я опять поехал в Ленинград, но Леона Абгаровича не видел.

— На даче, — объявила мне ассистент А. Тонких. — Какой отдых, Леон Абгарович готовит большую статью для Медицинской энциклопедии, — продолжала она.

— В таком случае прошу о моем приезде ему не говорить, — попросил я.

На следующий день я пошел в Университет на кафедру физиологии к проф. Ухтомскому, ученику известного профессора Н. Н. Введенского: необходимо было овладеть методикой парабиоза. Но лаборатория была на ремонте. Ассистент А. А. Ухтомского Витюков посоветовал получить разрешение профессора, в остальном обещал помочь сам. Пошел к профессору домой. Дверь открыл широкоплечий русский крестьянин с роскошной бородой.

— Профессор дома?

Он дружелюбно улыбнулся. — Это я, входите.

Узнав, что я из Армении, очень обрадовался — в далекой Армении интересуются деятельностью их лаборатории.

— Жаль, в плохое время приехали, молодой человек.

— Почему?

— Летом опыты на лягушках не венчаются успехом. Подождите зимы.

— Я создам для лягушек зиму.

Профессор удивленно посмотрел.

— Льдом.

Ухтомский улыбнулся из-под очков, похвалил меня за находку и написал записку Витюкову.

— Когда освоишь методику, будешь получать парабиоз адреналином,— протянув записку, посоветовал мне он.

— У вас в Армении есть большие лягушки, у которых седалищный нерв длинный и очень удобен для парабиоза.

И затем, указывая на противоположную стену, где висела картина с Большим и Малым Араратом, сказал, что ее подарил профессор Орбели.

Со следующего дня я начал работать. Лед доставал у продавцов мороженого. Опыты проходили успешно. Затем ко мне присоединились два аспиранта.

Через неделю позвонила А. Тонких и сообщила, что Леон Абгарович в пятницу будет в городе и начнет ставить опыты для меня. Я очень смутился, но было поздно.

Леон Абгарович принял меня с доброй улыбкой, сразу объяснил суть опытов, заключающуюся в выявлении механизма феномена Вульпиана.

После перерезки подъязычного нерва собаки при раздражении периферического кончика чувствительного нерва языка последний сокращается. Л. Орбели хотел выяснить механизм этого явления. Фактически все предварительные операции производили он и А. Тонких, а я устанавливал аппаратуру и подавал инструменты, выполнял, собственно, техническую работу. Несмотря на скромную роль мою, Леон Абгарович постоянно выражал одобрение, хвалил, вдохновляя меня. Орбели был добр и отзывчив не только ко мне. Со всех концов страны приезжали к нему молодые ученые, каждого принимал он как родного и с большой готовностью передавал им свой опыт.

Орбели был большим человеколюбом и щедрым в науке. В 1938 г. он идет на самоотверженный шаг, требуя провести опыт на нем в закрытой камере в условиях высокого и низкого атмосферного давления, с указанием при потере сознания—прекратить опыт и подать кислород. Опыт состоялся. Полученные данные впоследствии использовались в интересах защиты Родины. Орбели фактически явился основоположником физиологической аэронавтики, науки, проторившей путь к космонавтике.

Выдающийся физиолог пользовался настолько большим авторитетом, что на XVI съезде физиологов (Англия) оргкомитет не мог отказать ему в решительной просьбе разрешить советским ученым читать доклады на русском языке, в противном случае советская делегация не могла бы участвовать на съезде.

Орбели любил свой народ, армянскую музыку, культуру. Помню, однажды у Эзраса Асратяна была организована небольшая вечеринка. Я взял с собой армянский коньяк. Мы пригласили Леона Абгаровича. Он попросил спеть по-армянски. Очень любил Комитаса, Саят-Нова и пел с нами самозабвенно своим низким бархатным голосом.

Орбели высоко ценил деятельность своих соотечественников, всемерно помогал им, давал советы. В 1930 г. он побывал в Ереване и в зале нового здания анатомикума Медицинского института прочел лекцию об эволюционной физиологии и адаптационно-трофическом действии симпатической нервной системы. После смерти И. Павлова Орбели руководил двумя крупнейшими физиологическими центрами страны. Он был действительным членом АН СССР, АрмССР, АМН и почетным членом академий наук многих зарубежных стран. В годы Великой Отечественной войны Леон Абгарович был вице-президентом АН СССР и президентом Военно-Медицинской академии им. Кирова.

Орбели был большим ученым.

Я счастлив, что мне выпала честь работать с крупнейшим ученым, близко видеть достойного сына армянского народа и большого человека.

Г. Т. МУШЕГЯН